

Антонова Елена Леонидовна, Таранова Александра Евгениевна

**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РЕФОРМИРУЕМОЙ РОССИИ**

В статье рассматриваются мультикультурализм и культурный консерватизм сквозь призму "культурной травмы", полученной российским обществом в ходе социокультурных трансформаций конца XX - начала XXI столетия. Внимание уделяется проблеме сохранения "коллективного" и "исторического" как проявления "культурного консерватизма", необходимого для выхода из состояния "травмы".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/4.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 20-24. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ABOUT INTEGRATION MODELS OF PHILOSOPHICAL METHODS

Evgenii Alekseevich Antonov, Doctor in Philosophy, Professor
Department of Philosophy
National Research University "BelSU" in Belgorod
Antonov@bsu.edu.ru

The author studies the integration models of philosophical methods, their epistemological status understanding in modern philosophy and analyzes four integration models of philosophical methods: complementarity, matching, synthesis and comparative studies.

Key words and phrases: modern philosophy; postmodernism; methodological pluralism; methodological culture; models; methods integration; complementarity; synthesis; comparative studies.

УДК 130.2

В статье рассматриваются мультикультурализм и культурный консерватизм сквозь призму «культурной травмы», полученной российским обществом в ходе социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI столетия. Внимание уделяется проблеме сохранения «коллективного» и «исторического» как проявления «культурного консерватизма», необходимого для выхода из состояния «травмы».

Ключевые слова и фразы: социокультурные трансформации; транзитивный период; мультикультурализм; культуроцентризм; культурная традиция; омассовление; массификация; культурная преемственность; общекультурная идентичность.

Елена Леонидовна Антонова

Кафедра теории и истории культуры
Белгородский государственный институт культуры и искусств
E-pi-fan@yandex.ru

Александра Евгениевна Таранова

Кафедра социальной работы
Белгородский государственный научно-исследовательский университет
Taranova@bsu.edu.ru

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РЕФОРМИРУЕМОЙ РОССИИ[©]

Социокультурные процессы, протекающие в переходном российском обществе – явление сложное, трудно дифференцируемое и не поддающееся однозначному определению. Тем не менее, в их течении просматриваются разнонаправленные – «центробежные» (мультикультурализм) и «центростремительные» (культурный консерватизм) – тенденции, усиливающие «раздвоение, раскол, противоречивость, конфликт внутри культуры, ... охватывающие ключевые компоненты культуры – ценности, верования, нормы общества» [14], вызванные «культурной травмой», полученной российским обществом в ходе социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI столетия.

Противостоящие друг другу в политике, экономике, науке и образовании как идеологемы, «мультикультурализм» и «культурный консерватизм» по-разному воздействуют на общественное сознание: если первый выступает как фактор разобщения социума на основе мультиидентичности, то второй направлен на интеграцию общества на основе культурной преемственности. Однако затянувшийся процесс перехода, с одной стороны, стал началом нового цикла травматической последовательности, связанного с мировым экономическим кризисом, с другой, резко сузил фонд культурных ресурсов, необходимых для выхода из состояния «травмы» [Там же]. В этих условиях сохранение «коллективного» и «исторического» [15]¹ – как проявление «культурного консерватизма»² – помогает избежать тяжелых последствий «культурной травмы», полученной обществом в ходе социокультурных трансформаций.

Впервые культурный консерватизм как «идеологическая» проблема заявляет о себе после буржуазной революции в Европе, когда на фоне кардинальных изменений в экономическом устройстве западноевропейского общества, необходимых для создания мирового рынка, начинает формироваться «гражданское» общество как «новая» форма самоорганизации в городской среде, потребовавшая смены идентичности с этнической на

© Антонова Е. Л., Таранова А. Е., 2011

¹Анализируя аналогичное состояние западного общества, П. Штомпка выделяет три уровня «культурной травмы», полученной социумом в ходе социокультурных трансформаций последнего столетия: это уровень индивидуальных биографий, коллективный (утрата групповой идентичности) и исторический [14].

²Культурный консерватизм – обращение к исторически сложившимся культурным традициям, общественной нравственности, стереотипам социального взаимодействия, имеющим в каждой культуре свою специфику.

«общечеловеческую». «Открытие» народной культуры в Европе, болезненно переживавшей смену идентичности, стало не просто «романтическим движением» по изучению народных традиций, но и «своего рода просвещением»¹, с которого начинается формирование национального самосознания западноевропейских наций и, как следствие, европоцентризма – формы выражения европейского культурного консерватизма. Став, с легкой руки Гегеля, убежденным, что «Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало», «идеологемой», конституировавшей европейский образ жизни как «общекультурный» образец, европоцентризм превращается в экспортный идеологический продукт, под видом «общечеловеческих ценностей» настойчиво навязываемый всему «не-европейскому миру»².

«Спасители» западноевропейской культуры от энтропийного воздействия еще только зарождавшегося «мультикультурализма» – народные традиции, формировавшие в общественном сознании чувство культурной идентичности, – с одной стороны подвергаются изучению («консервации»), с другой – объявляются «вредными», «тормозящими прогресс» не-европейских – традиционных, а значит «непрогрессивных» – культур. Этот факт объясняет, почему некоторые западные теоретико-методологические парадигмы, отождествлявшие прогресс с унификацией и стандартизацией всех сфер общественной жизни, породили негативное отношение к народным традициям и обычаям, которые не вписывались в западный идеал полной однородности и единообразия. И, хотя в историко-этнографическом плане традиции были неплохо изучены, их пропаганда воспринималась как приверженность чуждому прогрессистской Европе патриархальному прошлому, объявленному по этой причине «темным» и «отсталым». М. Вебер в критике народных традиций пошел еще дальше: он объявил их антиподом рациональности.

Однако не следует забывать, что в каждой национальной культуре наличествует два взаимодействующих слоя: исторически ранний, который представляет собой унаследованный – традиционный – «субстрат» культуры, и исторически поздний, содержащий элементы обновления. В историческом слое культуры формируются «народные традиции», обеспечивающие сохранение этнокультурной идентичности. Выступая в современных социокультурных условиях как «культурная традиция», они трансформируются в механизм сохранения этнонациональной идентичности. По своей сути, культурная традиция, основанная на «органическом единстве преемственности и обновления», представляет собой квинтэссенцию социокультурного опыта, где преемственность выступает не просто как передача культурной традиции от поколения к поколению, а как «сущностная связь феноменов, абстрагированных от исторической конкретности. Вот откуда (в культуре – Е. А.) сродность разного и разновременного. В конечном счете, только сущностное и строит культурную память» [6] каждой культурно-исторической общности, которая мыслит себя народом. Разрыв с культурной традицией в транзитивные периоды становится одним из ведущих факторов разобщения социума на основе утраты культурной преемственности.

Этот непреложный факт объясняет не только причину «травмы» разрыва межпоколенных связей, но и отвечает на вопрос, почему в транзитивные периоды «каждое поколение представляет собой новый народ» [8, с. 46]. Ведь именно культурная традиция, как писал Л. Н. Гумилев, определяет культурные и мировоззренческие устои, нормы общежития и формы хозяйствования, имеющие в каждом этносе неповторимые особенности. Действуя в транзитивные периоды как «этнический фактор», культурная традиция не только определяет специфику общественной жизни, но и срабатывает в переходном обществе 1) как механизм сохранения этнокультурной идентичности и 2) как форма выражения культурного консерватизма, направленного на сохранение культурной преемственности.

В условиях социальной аномии транзитивного периода, когда культурная традиция, вокруг которой в период стабильности сложилось большинство социума, утрачивает свою значимость, возникает ряд девиаций в общественном поведении, связанных с внедрением в общественное сознание идей мультикультурализма. Однако для России насаждение мультикультурализма может стать «травмой», не совместимой с жизнью. Главная опасность состоит в том, что русская культура как «сложно организованная *система программ жизнедеятельности*, поведения и общения, которая посредством определенных кодов закрепляет накопленный социально-исторический опыт» [10, с. 8], из первичного – системообразующего, основанного на культурной традиции – фактора, формирующего духовный контекст жизнедеятельности общества в целом и каждой отдельно взятой личности, становится вторичной. Как и в западном мультикультурном обществе, в реформируемой России на первый план выдвигается «культивирование желаний» [2, с. 316] как «генеральная стратегия» превращения российского социума в обезличенные массы, успешно реализованного на Западе в ходе построения «общества массового потребления». Процесс «омассовления» – превращения общества в «обезличенные массы» – является результатом «стратегии», ориентированной на признание и удовлетворение любых (за исключением «ограничивающих возможности демократии») желаний, что в сочетании с развитием «дисциплинарных технологий власти», означает четкий контроль над любой культурно-антропологической потребностью или интенцией «человека массы», вплоть до биологически индивидуальной [Там же]. Между тем, на фоне искусственно создаваемого «массового существования» наблюдается резкое «снижение качества межличностных отношений» [14], что воспринимается российским обществом как «культурная травма». Для

¹Интенсивный сбор мифологического и фольклорного материала братьями Гримм, Ш. Перро и др. «сказочниками» не ограничивается их личным интересом к народным традициям, представлениям и верованиям, а становится началом формирования специфического научного направления по изучению «народной мудрости» и «народного знания», известного сегодня как фольклористика, от которой берет начало этнография.

²В эпоху цивилизационной глобализации европоцентризм трансформируется в «западоцентризм», а «общечеловеческие» ценности внедряются в общественное сознание под «видом» мультикультурализма.

«провинциальной» России, например, разрыв межличностных отношений на уровне межпоколенных связей выступает как одна из наиболее болезненно воспринимаемых и разрушительно действующих «культурных травм», затрагивающих все три обозначенных П. Штомпкой уровня: оставив глубокий след на уровне индивидуальных биографий, он становится одновременно коллективной и исторической травмой.

Здесь следует особо подчеркнуть, что процессы «омассовления» – формирования «человека массы» – по-разному протекают на Западе и в России:

– на урбанизированном Западе – это естественно-эволюционный процесс (см. «Закат Европы» О. Шпенглера), выявленный и осмысленный теоретиками и взятый «под контроль» политиками с целью координировать стратегические и прогностические «умопостроения» общества с поправками «на массу»;

– в реформируемой России «человек массы» в значительной степени формируется заданной моделью экономики, а стимулируется – медиаиндустрией, использующей западные социальные технологии, о которых писал С. Московичи: это упрощение смыслов, подгонка информационных данных под нужные вкусы и комплексы, адаптированные, внешне привлекательные формы презентаций навязываемых идей и «общечеловеческих» ценностей, безальтернативность утверждений и суждений, навязчивое повторение и т.д.

На них наслаиваются идеи мультикультурализма, отчего в условиях социокультурных трансформаций последний, по сути, превращается в один из факторов разобщения социума на основе мультиидентичности. Воздействуя на индивидуальное сознание, мультикультурализм выступает как «социальная технология», ускоряющая процесс «омассовления». Обладающий неограниченной «способностью к образованию масс», процесс «омассовления», в конечном счете, становится не только определяющим в сфере «социального управления», но и инструментом управления этнотропными процессами, возникающими под влиянием мультикультурализма, насаждающего примат «общечеловеческих» ценностей. Во всем этом, по мнению К. А. Сергеева, «эмплицитно присутствует опасность возникновения массовой маргинальности, коей может быть присуща криминальная направленность мышления» [9, с. 51-52].

Осмысление мультикультурализма как «современного» феномена имеет методологическое значение при обращении к проблеме сохранения культурной преемственности в переломный момент истории. Показательно, что Г. Тернборн понятие «мультикультурализм» рассматривает в трех «контекстах»: 1) в политическом, в рамках которого приводятся аргументы «за» или «против» *политики мультикультурализма как способа управления*. Этим термином пользуются как сторонники, так и противники этой политики. Именно в данном контексте в Канаде в 1960-е гг. и появилось это понятие; 2) в эмпирическом, дескриптивном либо аналитическом. Последний имеет место в научных трудах и общественных дебатах, затрагивающих различные проявления культурной неоднородности общества. Он наиболее тесно связан с появлением т.н. «мультикультурных обществ» и 3) в правовом. В этом контексте мультикультурализм имеет отношение к социальной и политической философии, к вопросам социального и политического порядка и прав человека в условиях этнической неоднородности культуры того или иного общества [11].

По нашему мнению, трудно не заметить, что у Тернборна речь идет о «мультикультурализме» в формате «политуправления» и «политкорректности», разработанных для «внутреннего потребления» мультикультурным Западом. Здесь следует учитывать, что и американский, и европейский «мультикультурализм» имеет этиологическую, отличную от традиционного для России государственного устройства: Россия, в отличие от Запада, изначально формировалась как многонациональное, а не как мультикультурное – «плавильный котел» – государство. В российском общественном сознании формируется такой феномен как «*общекультурная идентичность*», нивелировавшая конфликты на этнической и религиозной почве. Поэтому сегодня следует говорить о четвертом – *идеологическом* – «контексте» мультикультурализма, разработанного Западом для «внешнего» использования. Так, по смысловым и содержательным параметрам, мультикультурализм выступает как «стратегия» по внедрению в «неевропейское» общественное сознание 1) технологий «омассовления» и новых типов зависимостей «человека массы», 2) идей «принципиальной негомогенности и децентрации» [5, с. 126], 3) западных «рецептов» по *созданию и решению* межэтнических проблем, 4) западной идеологии под видом «общечеловеческих ценностей», а также 5) встроены идеи мультиидентичности в *дискурс и технологию* власти как нормы. Именно в означенных «ипостасях» мультикультурализм выступает как аспект толерантности, заключающейся в требовании развития национальных культур в «общечеловеческом» русле. Для многонациональной России, столетиями сплывавшейся на основе общекультурной идентичности, это – еще одна «культурная травма», разрушающая целостность культурной ткани, не только на «коллективном» и «историческом» уровнях, но и на уровне «индивидуальных биографий» (межнациональные браки и пр.).

Рассмотрение мультикультурализма как «идеологемы» позволяет понять, почему в трансформирующейся России на уровне «политического» сознания культурный консерватизм утрачивает привлекательность, порождая проблему утраты «общекультурной идентичности», что ведет к отчуждению общества от национальной истории и культуры и, как следствие, к поражению индивидуальной субъектности, отсекающей путь к трансцендентности, приобщению к общественным идеалам и ценностям. Индивид, по сути, вынуждается к полаганию собственного наличного состояния, реальность которого, возведенная в единственно возможный образец, превращается в специфическую «гиперреальность» – предикат состояния массы. В этом контексте мультикультурализм выступает как «репрессивно-дискурсивная» система подавления личности. Как результат, в условиях социальной аномии транзитивных исторических периодов наблюдается активность масс как сообществ людей с ликвидирующейся, нейтральной или скрытой идентификацией. В отсутствии идеологических и «общекультурных» ориентиров, «омассовление» социума, равно как и вторжение в сферу свободы личности под эгидой защиты демократических прав и свобод (Адорно, Маркузе), приобретает видимость «социального заказа». Стихийно возникающий в дезориентированном, кризисном, «распадающемся» на суб- и контркультурные «образования» обществе процесс

«массофикации» – как защитная реакция от энтропийного воздействия «мультикультурализма» – выступает, по сути, как фактор социальной мобилизации/интеграции на основе «сложно уловимой» идентичности.

Поэтому, по нашему мнению, в российском социокультурном пространстве процессы «омассовления» и «массофикации», понимаемые в западной гуманитарной науке как взаимосвязанные, действуют как процессы разнонаправленные. В «западной» трактовке под «массофикацией» понимается процесс становления массового человека как качественная характеристика процедуры подгонки личности под заданные стандарты, а под «омассовлением» – процесс нивелирования жизненных форм, взглядов, поведения людей как процесс, управляемый «сверху», получивший при поддержке «медиасредств» скрытую «культурную легитимацию»¹. Интерес, на наш взгляд, вызывает тот факт, что омассовление как явление, приобретающее черты глобальности, из процесса осмысления глобализации «выпадает», хотя, по сути, является одним из инструментов глобализации. Поскольку о «массу» разбиваются все традиционные «формулы культуры и общества» [1], то в реформируемой России, где запущены процессы «хаотизации культурного пространства», процессу «омассовления» начинает противостоять процесс «массофикации». «Массофикация» – как дефинитивно данное понятие – не поддается однозначному реконструированию, но применительно к российским социокультурным реалиям – это латентно протекающий процесс «идентификации» социальных групп по конкретным (интересы, сленг, одежда, стереотипы поведения/общения/деятельности, образ и стиль жизни и др.) признакам, стихийно возникающий в условиях социальной аномии на разных уровнях разобщенного социума в ответ на утрату «общекультурной идентичности». Поскольку в современной России идеи мультикультурализма, стимулирующие разрушение культурной традиции, а значит, препятствующие сохранению «общекультурной идентичности», играют не последнюю роль, то мультикультурализму должен быть противопоставлен культурный консерватизм, социокультурным основанием которого выступает культурная преемственность.

Показательно, что в условиях глобального перехода, с проблемой утраты идентичности, угрожающей культурной целостности, ведущей к ослаблению института государственности, столкнулась не только Россия, «старые» и «новые» европейские нации, но и сами США [13]. Как участники единого «глобализационного процесса», все они видят единственный выход из кризиса культурной идентичности в мультикультурной среде: культурный консерватизм, под которым скрывается «культуроцентризм».

Однако, абстрагируясь от «естественного протекания социальных процессов», Запад продолжает придерживаться принципов социального конструирования реальности на основе мультиидентичности. Получается «порочный круг», из которого не только не может выйти сам Запад, но в который вовлекается весь «незападный» мир, без учета многообразия его культурных традиций и специфических социокультурных условий формирования последних, заведомо обреченный на получение «культурной травмы» разной степени тяжести.

Россия, с ее богатой историей и культурой, должна искать свой путь излечения от полученной «культурной травмы». С учетом российской специфики представляется, что кроме сохранения общекультурной идентичности, другого пути у России нет. В условиях переходности, когда традиционные «ценности теряют ценность, ... нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений, верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся» [14], российское общество сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем, главными из которых являются: 1) проблема культурного наследования и 2) проблема формирования в общественном сознании «культурного консерватизма», без которого реализация первого невозможна. Но если по поводу решения первой проблемы еще долго будут вестись научные и околонучные споры, то решение второй проблемы – проблемы формирования национального самосознания – должно уже сегодня стать доминирующим в организации по-настоящему современного образования. В условиях, когда культура утрачивает консолидирующее – «собирающее» – значение, образование всех уровней должно включать в себя этнокультурный компонент, несущий идею культурного консерватизма – «базового элемента» социальной мобилизации в переходный период. Социокультурным основанием культурного консерватизма вновь должна стать культурная традиция: формируя национальное самосознание в алгоритме культурной преемственности, последняя срабатывает как фактор интеграции социума на основе «общекультурной идентичности», «изнутри» скрепляющей дезориентированное российское общество. В условиях глобализации культурный консерватизм следует рассматривать как защитную реакцию от энтропийного воздействия «мультикультурализма». В противном случае, уже в обозримом будущем Россия реально столкнется с лавинообразно нарастающим процессом «массофикации». Как защитная реакция на отсутствие общекультурной идентичности, стихийная массофикация будет выступать как фактор социальной мобилизации на основе «сложно уловимой» идентичности. Поэтому, как и на Западе, социальная мобилизация должна стать управляемой, но не в сторону «омассовления», а в русле «культуроцентризма».

Таким образом, с внедрением в общественное сознание идей мультикультурализма, в России, как и на Западе, в основе внешней и внутренней политики должен лежать взвешенный культурный консерватизм, а общекультурная традиция – социокультурное основание культуросцентризма – должна стать методологическим основанием организации не только жизни социума, но и образования. Последнее означает, что сохранение культурной преемственности и формирование национального самосознания в условиях переходности следует рассматривать как феномены, требующие постоянного наблюдения и своевременного – в том числе, философско-культурологического – анализа и осмысления с целью конструирования адекватных социокультурным условиям и угрозам социальных и образовательных проектов.

¹ По мнению С. Г. Кара-Мурзы, важным шагом к контролю над обществом на пути к «омассовлению» социума становится создание «индустрии аморальности», поскольку человек, дезориентированный в области морали, легче всего поддается управлению.

Список литературы

1. **Бодрийар Ж.** В тени молчаливого большинства, или Конец социального [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/ baudrill/silent.html>
2. **Делез Ж., Гваттари Ф.** Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.
3. **Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда. М., 1991.
4. **Емельянова Т. П.** Культурная травма: социально-психологические аспекты [Электронный ресурс]. URL: psychology.rsuh.ru>archive/emelyanova.2.doc
5. **Кушнарера Е. С.** Мультикультурализм в США // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7). С. 125-127.
6. **Некрасова М. А.** Народное искусство как часть культуры. М., 1983.
7. **Плахов В. Д.** Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования. М., 1997.
8. **Самохвалова Т. А.** Демократический тоталитаризм массовой культуры // Человек в контексте культуры: сб. науч. тр. / под ред. О. Ю. Марковой. СПб., 1998.
9. **Сергеев К. А., Перов Ю. В.** Гегелевская история философии в контексте новоевропейской метафизики. СПб., 2001.
10. **Степин В. С.** Философия и универсалии культуры. СПб., 2000.
11. **Федотова Н. Н.** Мультикультурализм и политика развития [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. Вып. 3. URL: <http://www.jourssa.ru>
12. **Франкл Дж.** Археология ума. М., 2007.
13. **Хантингтон С.** Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
14. **Штомпка П.** Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.
15. **Штомпка П.** Социология социальных изменений. М., 1996.
16. **Якубов З.** Педагогическая мудрость народа // Народное образование. 1995. № 2.

MULTICULTURALISM AND CULTURAL CONSERVATISM IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL-CULTURAL TRANSFORMATIONS OF REFORMING RUSSIA**Elena Leonidovna Antonova***Department of Culture Theory and History
Belgorod State Institute of Culture and Arts
E-pi-fan@yandex.ru***Aleksandra Evgenievna Taranova***Department of Social Work
Belgorod State Scientific and Research University
Taranova@bsu.edu.ru*

The authors consider multiculturalism and cultural conservatism through the lens of the “cultural trauma” received by the Russian society in the social-cultural transformations of the end of the XXth – the beginning of the XXIst century and pay special attention to the problem of “collective” and “historical” preservation as the “cultural conservatism” manifestation necessary for the escape from “trauma”.

Key words and phrases: social-cultural transformations; transitive period; multiculturalism; culture-centrism; cultural tradition; enforcement of mass culture; mass character acquiring; cultural continuity; overall cultural identity.

УДК 947.1(571.54)

Рассмотрены государственная политика в области жилищного строительства в поселках Бурятского участка зоны БАМА в период сооружения магистрали (1970-80-е гг.), а также особенности формирования социально-бытовой инфраструктуры и истоки обострения жилищной проблемы в регионе на современном этапе.

Ключевые слова и фразы: социально-бытовая инфраструктура; жилищно-коммунальное хозяйство; стихийное строительство; временные сооружения; рабочие поселки.

Николай Сергеевич Байкалов, к.и.н.*Кафедра государственного и муниципального управления
Бурятский государственный университет
baikalov@bsu.ru***ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПОСЕЛКАХ БУРЯТСКОГО УЧАСТКА БАМА:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ[©]**

Для сооружения Байкало-Амурской железнодорожной магистрали в 1970-80-е гг. была создана широкая сеть населенных пунктов: городов, поселений городского типа, рабочих и временных поселков. В ходе строительства начал складываться особый хозяйственный комплекс, ориентированный, в первую очередь, на освоение минеральных ресурсов, прилегающих к магистрали территорий. Строительный бум привел к небывалому росту населения в регионе, что вызвало нехватку жилья. Рассмотрению причин сложившейся в жилищной сфере ситуации, способов решения жилищного вопроса региональными и местными властями в период сооружения магистрали посвящена данная статья.